

Строительство Рогунской ГЭС собственными силами в состоянии дать толчок развитию многих отраслей национальной экономики, развитию фундаментальных и прикладных исследований и изысканий, подготовке собственных высококвалифицированных кадров и много чему другому. Но для того, чтобы всё это стало возможным, необходимым условием является наличие государственного видения проблемы и способов её решения, помноженные на твёрдую политическую волю руководства страны, пишет в своей статье специально для cabar.asia таджикский политолог Рашид Гани Абдулло (Душанбе, Таджикистан).

Рогунская ГЭС – крупнейшая ГЭС Вахшского каскада, имеет для Таджикистана стратегическое значение, поскольку именно на нее возлагаются надежды по выводу страны из энергетического кризиса, разражающегося ежегодно в зимнее время из-за сезонного стока воды. Строительство этой ГЭС важно, как для населения страны, так для развития энергоемких производств. Это позволит получить излишки электроэнергии и без проблем для самого Таджикистана экспортировать ее. И ее экспорт не будет затратным, для этого всего лишь необходимо будет построить ЛЭП, что гораздо дешевле, чем строительство автомобильных, железных дорог или трубопроводов. Кроме того, наличие этого объекта позволит круглогодично регулировать сток воды и избавит страну от засух и половодья, что, в свою очередь, даст толчок развитию сельского хозяйства. Наличие этого крупного энергетического объекта, в том случае если Таджикистан сможет построить его самостоятельно, позволит дать импульс появлению и развитию новых отраслей экономики, позволит получить стране новые компетенции, и в конечном итоге, перейти от пребывания в фазе доиндустриального общества в общество индустриальное и постиндустриальное. В конце концов, строительство этой крупной ГЭС позволит усилить позиции Таджикистана в переговорных процессах.

Однако в реализации этого крупного энергетического проекта республика толкнулась с огромными трудностями, он стал заложником политических обстоятельств.

Почему в СССР так и не построили Рогунскую ГЭС?

Проект Рогунской ГЭС, если считать с момента постановки задачи по её разработке в 1968г., скоро будет отмечать свой полувековой юбилей. В отличие от другого подобного проекта – Нурекской ГЭС, строительство Рогунской ГЭС на реке Вахш вылилось в затяжной и мучительный процесс, хотя, поначалу, всё для этого крупнейшего в Центральной Азии гидроэнергетического узла складывалось, как нельзя лучше.

В 1968 г., когда строительство Нурекской ГЭС шло ещё полным ходом, Главное управление энергетики и электрификации при Совете Министров Таджикской ССР запросило Среднеазиатское отделение института «Гидропроект» в городе Ташкенте подготовить технический проект Рогунской ГЭС. (1) Проект был составлен и в 1974 г. утверждён Госстроем СССР. (2) В соответствии с ним, мощность электростанции должна была равняться 3600 МВт. Шесть её энергоблоков мощностью в 600 МВт должны были вырабатывать в год 13,1 млрд. кВт.ч. Выработку данного количества электроэнергии должно было обеспечить водохранилище с полным объёмом в 13,3 км³ и полезным объёмом в 10,3 км³ воды. Для образования такого водохранилища проектом предусматривалось возведение из местных материалов каменно-набросной плотины высотой в 335 метров. (3). Рогунская ГЭС с её высотной плотиной изначально задумывались не только для выработки электроэнергии, но и, как ключевой элемент всей системы регулирования стока реки Вахш. Системы, позволяющей, в совокупности с другими гидроэнергетическими объектами ниже по течению поддерживать во все времена года оптимальный уровень воды в Амударье.

Практические работы по реализации Рогунского проекта начались в 1976г. 27 декабря 1987г. река Вахш была перекрыта. Началось возведение плотины. Уже в последующие год-два планировались монтаж и ввод в эксплуатацию первых двух энергоблоков. Однако планы эти так и остались всего лишь планами. Им так и не было суждено сбыться.

Налаженный процесс строительства Рогунской ГЭС был нарушен политическими событиями, спровоцированными перестройкой.

В конце 80-х гг., в русле развития перестроечных процессов во всём Советском Союзе, в Таджикистане также стала резко нарастать политическая активность населения. Она принимала разные формы и была насыщена не менее разнообразным политическим содержанием. Одним из аспектов этой активности стало открытое и жёсткое противостояние, на первый взгляд, между т.н. демократическими силами и властями республики. На самом же деле, за этим противостоянием, ставшим возможным лишь на фоне ослабления в ходе перестройки всех властных структур советского государства, крылось гораздо более серьёзное явление – столкновение различных регионально-политических элит за обладание властью в республике.

Недовольные устоявшимися за предыдущие десятилетия пропорциями доступа к власти и участия в реальном процессе принятия решений (в основном, представители юго-востока республики), активно требовали пересмотра сложившегося статус-кво. Элиты же (представители севера), обладавшие на тот момент фактической полной властью в республике, не желали ничего менять в существовавшем порядке вещей.

В ходе развернувшейся борьбы оппоненты действовавшей власти активно требовали сворачивания строительства не только Рогунской ГЭС, но и целого ряда других важных

и нужных для республики объектов, возводившихся, главным образом, в регионах к югу от Анзобского перевала, в частности аккумуляторного завода в Кулябе. В борьбе вокруг ГЭС было всё. И активные выступления с требованиями перемен обретших политическую значимость известных творческих лиц, так или иначе ассоциировавшихся с регионально-политическими элитами, и их же акции протеста в Москве, и оказываемая им мощная информационная и политическая поддержка со стороны единомышленников в большой столице, и организация митингов протеста жителей районов в зоне строительства ГЭС. В конце концов, станция стала первой значительной жертвой политического противостояния в республике.

Действовавшая власть как-то удивительно быстро поддавалась давлению и заморозила её строительство. Была ли она настолько слаба? Вряд ли. В гораздо более сложной ситуации, создавшейся в феврале 1990 г. и далее, вплоть до перехода власти в Москве, в августе 1991г. к Борису Ельцину и его команде, положившей начало обвалному распаду СССР, она достаточно уверенно реагировала на давление, оказываемое на неё оппонентами.

Стоявшие за т.н. демократическими силами регионально-политические элиты не были настолько наивны, чтобы отказываться от Рогунского проекта. Судя по тому, как впоследствии развивались события, борьба за сворачивание реализации проекта являлось для реальных сил, стоявших за антирогунскими действиями, способом обеспечения себе массовой поддержки населения, которую впоследствии можно было бы использовать в качестве эффективного инструмента в борьбе за власть. Можно было не сомневаться, что, придя к власти, они возобновили бы строительство ГЭС – обладание мощным источником ещё не была в тягость ни для одной власти. В этом деле они вполне могли рассчитывать на поддержку тех в Москве, кто рвался в то время и, в конце концов, пришёл к власти в державе, и союзниками коих оппоненты таджикской власти себя позиционировали.

Но всего этого не случилось. Произошло то, что никем серьёзно не предполагалось – СССР развалился. Распад единой страны обернулся для обретшего независимость Таджикистана коллапсом государственности и народного хозяйства, гражданской войной, территориально-политической фрагментацией, потерей управляемости и всеобщим экономическим оскудением.

Всем в республике стало не до Рогунской ГЭС и бывшая великая стройка оказалась в загоне. В 1993 г. в ситуации, когда станция фактически оказалась без присмотра – специалисты и вообще, все кто мог, покинули Рогун, спасаясь от войны и экономических неурядиц, паводок разрушил плотину и частично затопил уже практически готовые тоннели и машинный зал.

Самостоятельно не построить, а инвесторы не спешат

Совокупное воздействие названных факторов на протяжении всех 90-х гг. делало

возобновление строительства практически невозможным. Лишь после стабилизации военно-политической ситуации в стране и определённых позитивных подвижек в отношениях существенно продвинувшейся вперёд в восстановлении своей государственности и управляемости республики с внешним миром стала просматриваться возможность возобновления реализации Рогунского проекта. Однако последствия обрушения экономики после распада СССР и гражданской войны, привели к тому, что у республики не было ни финансовых возможностей, ни соответствующих компетенций для реализации - самостоятельно, собственными силами и широким фронтом, столь крупного проекта.

В сложившихся условиях республика была вынуждена обратиться за содействием к потенциальным инвесторам. Последние не спешили положительно реагировать на её призывы и обращения, в том числе и ввиду неясности перспектив возвращения вложенных средств, не говоря уже о получении коммерческой прибыли. Да и потенциальных инвесторов было не особенно много

Рогунская ГЭС - очень крупный по масштабам и финансово весьма затратный проект. Оценки специалистов объёма финансовых средств, необходимых для завершения строительства ГЭС колеблются от почти трёх до шести миллиардов долларов. Такая сумма денег может быть подъёмной лишь для очень крупной внешней частной компании или группы компаний, а также для государств, имеющих возможность финансировать реализацию подобных проектов напрямую из бюджета или через связанные с ней компании. Сегодня Рогунский проект не вызывает интереса у крупного частного внешнего инвестора. Государств, которые могли бы рассматриваться в качестве потенциальных инвесторов Рогунского проекта, также немного. Россия, Китай, Иран, богатые арабские монархии Персидского залива - вот, пожалуй и всё.

Для Таджикистана самым лучшим вариантом представлялось возобновление участия России в реализации проекта. Однако в 90-е гг. Россия, не отказываясь от самой возможности возобновления реализации проекта, каких-либо практических шагов в данном направлении не предпринимала. В 90-е гг. ей было не до Рогунского. Она сама испытывала серьёзные экономические и финансовые трудности и проблемы. К тому же, в президентство Бориса Ельцина его окружение было настроено в большей степени на сближение с Западом. Вопросы, относящиеся к российско-центрально-азиатским отношениям, не являлись для них предметом первоочередного внимания. На это накладывался и фактор идеологических симпатий и антипатий окружения российского президента.

Китай, в отличие от России, уже в 90-е гг. обладал финансовыми и техническими возможностями, позволявшими ей вложиться в реализацию гидроэнергетических проектов в Таджикистане. Но он предпочёл не торопить события. Экономическая

стратегия, реализовывавшаяся Китаем в 90-е гг., не предполагала какого-либо его участия в подобных проектах ни в Таджикистане, ни в Центральной Азии, в целом. Иран, перманентно находящийся под санкциями западных стран, усматривал в России политическую силу, которая ближе к концу 90-х гг. стала отходить от отождествления своих коренных интересов с интересами Запада и объективно могла быть полезной ему в противостоянии западному политическому и экономическому давлению. Понимая важность для себя благожелательного отношения России, в том числе и как постоянного члена Совета Безопасности ООН, он избегал любой возможности столкновения своих интересов с интересами России на постсоветском пространстве. Соответственно, не было ничего удивительного в том, что Иран придерживался осторожного подхода в вопросе о своём возможном участии в реализации Рогунского проекта.

Что же касается участия арабских монархий в проекте, то в 90-х г. сама республика, в силу разных причин, в том числе и политико-идеологических, не проявляла к такой возможности особого интереса. Ровно по тем же причинам, в те годы и сами монархии достаточно сдержанно относились к развитию широких отношений с республикой. Время от времени возникали различные варианты участия в Рогунском проекте Пакистана. Однако всем им была присуща одна особенность – не прямой характер финансирования проекта. Как правило, предлагались те или иные сделки, в соответствии с которыми в Таджикистане сначала должны были реализованы товары пакистанских производителей, а затем уже вырученные деньги вкладываться в строительство ГЭС. В реальных условиях республики такие варианты оказались нерабочими.

Инвесторы пришли, но не для Рогуна

В 2000-е годы сложились несколько более благоприятные условия для участия внешних инвесторов в реализации гидроэнергетических проектов в Таджикистане. Так, в эти годы к лучшему изменилось отношение России в вопросе участия в таких проектах. Этому в полной мере способствовало то обстоятельство, что Россия оправилась от политических и экономических потрясений предыдущего десятилетия и обрела немалые финансовые возможности. Этому же способствовала и определённая корректировка внутри внешнеполитических приоритетов новых российских властей. Произошедшие изменения сделали возможным достижение в 2004г. двусторонних соглашений об участии России в достраивании Сангтудинской ГЭС-1 и возобновлении её участия в Рогунском проекте. Достраивание Сангтудинской ГЭС-1 было поручено «РАО ЕЭС», а реализацию Рогунского проекта «РУСАЛ»-у Олега Дерипаски. В эти же годы развитие экономики Китая стал выходить на уровень, делавшим привлекательным получение им доступа к углеводородным и прочим значимым ресурсам повсеместно в мире. Центральная Азия не было здесь исключением. В рамках

новой стратегии растущей китайской экономике Центральная Азия нужна была уже не только, как рынок сбыта своих товаров и услуг. Регион становился нужен ему и как надежный источник сырьевых (руды и концентраты цветных металлов, а также сами металлы – алюминий, медь и т.д.), энергетических (нефть, газ, электроэнергия) ресурсов, которыми располагают страны Центральной Азии.(4)

В сложившихся новых условиях Китай счёл уместным для себя взять курс на активизацию своих политических, экономических, военных, информационных и т.д. отношений, с центрально-азиатскими странами не только на двусторонней, но и многосторонней, в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества, основе. В частности, в рамках реализации стратегии «выхода вовне» таджикская и китайская стороны сумели достичь договорённости по строительству средней ГЭС на реке Зерафшан.

Бурный рост цен на нефть в 2000 гг. упрочил финансовые возможности Ирана. Жизнь же под постоянными западными санкциями и обусловленная ими необходимость опоры на собственные силы, помноженные на возросшие нефтедоходы, способствовали резкому росту научно-технического потенциала страны и обретению ею компетенций в реализации технически сложных проектов. Руководство Ирана проявило интерес к реализации гидроэнергетических проектов в Таджикистане. Эта заинтересованность привела к подписанию таджикско-иранского соглашения о строительстве с иранским участием Сангтудинской ГЭС-2.

Однако проект Рогунской ГЭС, как и можно было ожидать, оказался вне данной заинтересованности.

Рогунский проект - заложник политических игр

Из всех договоренностей по участию России, Китая, Ирана в возведении крупных и средних ГЭС на сегодняшний день оказались осуществленными лишь проекты Сангтудинских ГЭС-1 и 2 Россией и Ираном, соответственно. Договорённости по участию в других проектах так и остались нереализованными. Прежде всего, ввиду отрицательного к ним отношения Узбекистана.

Когда в октябре 2004г. подписывались таджикско-российские соглашения, предусматривавшие, в частности, возобновление Россией своего участия в реализации Рогунского проекта, Узбекистан быстрыми темпами наращивал своё стратегическое сотрудничество с США. Складывалось ощущение, что в данном контексте политическая составляющая в согласии России на возобновление своего реального участия в Рогунском проекте была весьма и весьма существенной. К сожалению, Таджикистан не сумел должным образом воспользоваться сложившейся благоприятной для Рогунского проекта ситуацией и быстро запустить реализацию соответствующего двустороннего соглашения.

После андижанских событий в 2005 году политическая атмосфера для реализации

проекта перестала быть благоприятной. В ответ на жёсткие санкции США и его западных союзников, введённых против Узбекистана, Москва и Пекин немедленно поддержали Ташкент. И без того существенное политическое значение для них Узбекистана, в новых условиях и на фоне взятого республикой курса на снижение уровня военного присутствия США на своей территории (принятие решения о закрытии базы США в Ханабаде), стало ещё большим.

В сложившихся новых обстоятельствах между таджикской стороной и «РУСАЛ»-ом вдруг стали возникать споры по характеру плотины – быть ли ей каменно-набросной или бетонной, а также по её высоте. «РУСАЛ», как частная компания, мотивировал свою позицию о необходимости возведения бетонной плотины вместо каменно-набросной и снижению высоты плотины соображениями коммерческой выгоды. При этом изначально было ясно, что таджикская сторона на принятие подобных предложений не пойдёт. В конечном итоге, из намерения сотрудничать с «РУСАЛ»-ом ничего не вышло – стороны разошлись друг с другом.

Точно такой же неудачей завершились попытка строительства ГЭС на Зеравшане с участием Китая и намерение Казахстана через фонд «Казина» профинансировать строительство Навобадской ГЭС.

Можно не сомневаться, что на сегодняшний день вряд какой-нибудь из названных выше потенциальных инвесторов пойдёт на реальное сотрудничество с Таджикистаном в реализации его гидроэнергетических проектов. По той простой причине, что необходимость обеспечения их собственных интересов обуславливает для них обязательный учёт позиции Узбекистана. Позиция же эта сводится к категорическому несогласию с реализацией крупных гидротехнических и гидроэнергетических объектов, предполагающих возведение на реках Таджикистана больших плотин. Узбекская сторона, как правило, обосновывает свою позицию экологическими и социальными причинами, а также опасениями в связи с последствиями разрушительных стихийных бедствиями. В очередной раз данная позиция была озвучена 25 сентября с.г. в Нью-Йорке в ходе выступления руководителя МИД Узбекистана Абдулазиза Камилова на Саммите ООН по устойчивому развитию. (6) В Таджикистане, однако, мало кто сомневается в том, что жёсткая позиция Узбекистана обуславливается не только названными, но и иными, вполне политическими, опасениями. Последние сводятся к тому, что с завершением строительства Рогунской и других средних и крупных ГЭС в Таджикистане и реализацией аналогичных проектов в Кыргызстане обе страны верховьев центрально-азиатских рек не только обзаведутся возможностями контроля их стока, но вполне могут прибегнуть к использованию этих возможностей в своих политических целях. Таким образом, как и в конце 80-х гг. прошлого столетия Рогунский проект стал заложником политических обстоятельств, но уже не внутренних, а внешних.

В связи со сложившейся праттически тупиковой ситуацией с привлечением внешних инвесторов для участия в реализации Рогунского проекта извне, стали раздаваться голоса о том, что было бы более рациональным для Таджикистана вместо заострённости на реализации проекта развернуть строительство большого числа малых ГЭС, не требующих строительства высоких плотин и формирования больших водохранилищ. В Таджикистане с такой постановкой вопроса не согласны. Прежде всего, по той простой причине, что малые ГЭС никак не могут способствовать генерированию объёма электроэнергии, необходимого для обеспечения потребностей аграрного и промышленного развития страны.

Строить Рогун самостоятельно - альтернативы нет

Руководство республики, осознавая, что привлечь внешних инвесторов и участников в Рогунский проект пока не представляется возможным, взяло курс на его реализацию собственными усилиями. Но в том, что республика вынуждена самостоятельно осуществлять столь сложный проект, есть и свои положительные стороны.

Как показывает опыт, внешние партнёры, будь то крупная частная компания, банк или государство, предпочитают реализовывать проекты со своим участием, на своих же условиях. В частности, они считают более удобным и выгодным для себя привлекать исполнителей извне. В результате Таджикистан получает готовый объект, но не обретает соответствующие управленческие, изыскательские, технико-конструкторские, инженерные и прочие компетенции. Такая модель не столько способствует развитию страны и преобразованию общества, сколько консервирует отсталость.

Отсутствие реального внешнего инвестора для Рогунского проекта позволяет изменить сложившийся порядок вещей.

В современных условиях, в которых пребывает Таджикистан, самостоятельная, т.е. без участия внешних инвесторов, реализация Рогунского и других гидроэнергетических проектов, в силу чрезвычайной сложности данной задачи, может быть под силу лишь государству (исключением здесь может быть лишь строительство малых ГЭС).

Понятно, что осуществление строительства нуждается в максимально возможной мобилизации собственных не только финансовых и материальных, но, что более важно, имеющихся в наличии организационно-управленческих, инженерных и других кадровых ресурсов, а также в налаживании воспроизводства этих ресурсов.

Строительство Рогунской ГЭС собственными силами, подразумевающее привлечение извне специалистов, которых пока нет в наличии в самой республике, в состоянии дать толчок развитию многих отраслей национальной экономики, развитию фундаментальных и прикладных исследований и изысканий, подготовке собственных высококвалифицированных кадров и много чему другому. Но для того, чтобы всё это стало возможным, необходимым условием является наличие государственного

видения проблемы и способов её решения, помноженные на твёрдую политическую волю руководства страны, решить данную задачу таким образом, чтобы уже само строительство Рогунской ГЭС и других крупных гидроэнергетических проектов собственными силами стало инструментом коренного преобразования Таджикистана. Инструментом обретения им компетенций - политических, управленческих, научных, технических, логистических и т.д., которые, при продолжении взятого курса, могут, в конечном итоге, трансформировать республику в действительно современное развивающееся государство.

С политической волей, направленной на пофазовую реализацию Рогунского проекта собственными силами проблем нет. Она вполне наличествует. Желательно, чтобы этой политической воли хватило бы и на то, чтобы строительство Рогунской ГЭС стало локомотивом развития и коренного преобразования страны и общества.

1. <http://www.energyprojects.tj/index.php>.

2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Рогунская_ГЭС

3. Там же.

4. Рашид Алимова «Таджикистан и Китай: курсом стратегического партнёрства, изд-во «Весь мир», Москва. 2014, стр. 120-121, 125-126

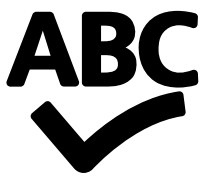
страны и комотневе строит

5. http://www.akorda.kz/ru/events/page_segodnya-v-dushanbe-sostoyalis-osnovnye-meropriyatiya-ofitsialnogo-vizita-prezid_1348723434)

6. <http://mfa.uz/ru/press/news/2015/09/5375/>

Рашид Гани Абдулло, политолог

Мнение автора может не совпадать с позицией Cabar.asia

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.